

«Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда»!

1.

«Здравствуйте! Дома есть кто?», — услышала я, но не обратила на крик внимания. Только когда вопрос повторили, оглянулась и увидела стоящего около угла дома крепкого молодого человека, лет двадцати — двадцати пяти. Без рубашки в одних поношенных шортах. Он улыбался. По его лбу сбегали капельки пота. Лицо было приветливое и открытое. Из тех, которые сразу нравятся женщинам. Да и тело выдавало в нём если не спортсмена, то человека не чуждого к занятиям спортом.

— Извините за вторжение, — сказал он. — Я кричал, но мне не ответили, — и опять улыбнулся, демонстрируя белые зубы как в рекламе «Пепсодента».

Я вопросительно подняла бровь. Мне было некогда. Собирала дары сада, распихивая их по пакетам с ужасом думая, что всё это мне придётся тащить на себе! Да по такой жаре, да в переполненном автобусе, а потом в такой же душной и тесной маршрутке.

— Я к другу заехал, — продолжал он и кивнул куда-то неопределённо. — Понравилось здесь у вас. Вот решил пройтись и узнать. Может, кто продаёт сад? — и опять широкая открытая улыбка.

Вопрос поставил в тупик. Нелегко вот так переключиться от насущных проблем к абстрактным вещам. Для меня продать сад то же самое что слетать на выходные в Монте-Карло или на Гавайи. Я так давно его хотела и купила, отказывая себе во всём...

— Это что? Предложение? — промелькнуло в голове, — нет, я не продаю, — продолжила довольно резко.

— Я просто хотел узнать, а не знаете ли вы, кто продаёт, — как то виновато добавил он, уловив мою реакцию.

— Сейчас точно нет! — безапелляционно произнесла я.

И увидев удивление на его лице, пояснила:

— Летом сады не продают, вот по осени — бывает. Можете, конечно, походить, поспрашивать... Но вряд ли. Да и в будний день народа мало. Надо в субботу приезжать. Сегодня люди работают.

— А вы? — опять как то застенчиво переспросил он.

— А я и не заметила, как он разговорил меня, — промелькнуло в голове и забылось, — я в школе работаю, каникулы. Вот и наезжаю на неделе. Сын уехал в отпуск, одна. Дома скучно, — выболтала я ему все свои «тайны».

— Понятно, — он почесал затылок как пацан, — а я-то думал... Ладно, — он словно решил для себя трудную задачу, — приеду в субботу и похожу. Спасибо вам, просветили невежу, — опять улыбнулся он, — ну я пойду, извините за вторжение.

Его взгляд вдруг как то на мгновение изменился, стал цепким и оценивающим. Такой, наверное, бывает у снайпера, когда тот поймал цель, но на устах опять заиграла улыбка. Он развернулся, исчез за поворотом, а я благополучно о нём забыла.

2.

Закрыв калитку и проверив, заперт ли замок благословясь взвалила на себя сумки, пакеты, авоськи с «дарами полей» и бодро зашагала в сторону остановки. Это было самое трудное. До остановки идти не менее полчаса, а с такой поклажей и того больше.

Минут через пять услышала шум двигателя. Оглядываться не стала, мало ли кто ездит. Голосовать бессмысленно, народ стал злым. Если решат, то и без моих движений остановятся и подвезут.

Когда машина поравнялась со мной, то увидела на переднем сиденье давешнего парня. Наши глаза встретились, узнавая и он, повернувшись к водиле, что-то сказал. Взвизгнули тормоза. Машина остановилась и он, приоткрыв дверцу, спросил:

— Подвезти? Мы в город. Поедем через вокзал.

— Вот везёт! — промелькнуло в голове, — на машине махом окажусь в городе и успею на маршрутку до часа пик.

Вслух же степенно сказала:

— Спасибо, нет. У меня с деньгами — туго, — улыбнулась.

— Да какие деньги?! Обижаете. Всё равно по пути. Почему женщине не помочь? — и опять эта завораживающая улыбка.

— ... — улыбаюсь в ответ, понимая, что соглашусь, благодарственно киваю.

Пока парень выйдя из авто неспешно идет ко мне, смотрю на машину. Старенькая, но ухоженная светлая иномарка. Ага, вот и марка. Написано: OPEL 2.0.

— Меня Сашей зовут, а там, — он кивает на машину, — Слава. Давайте помогу, и берёт львиную долю моих сумок.

— А меня Катерина Ивановна, — по школьной привычке представляюсь я, но увидев его удивленный взгляд, поправляюсь, — Катериной, Катей...

— Вот и познакомились! — и уже в сторону машины, — багажник открой.

Что-то щёлкает и багажник приоткрывается. Подойдя и открыв его полностью, Саша бережно складывает в бездонное чрево мои баулы и, захлопнув, галантно произнес:

— Прошу Вас...

Когда я потянулась к ручке задней двери он с той же улыбкой, предлагает:

— Садитесь вперед. Вам удобнее будет. А я назад.

— Ну, спасибо! — радостно говорю я и усаживаюсь рядом с водителем.

— Слава, — буркнул тот, — Саш, садись. Ехать надо.

Хлопает дверь. Машина легко набирает скорость.

— Пристегнись, Катя, — слышу сзади, и рука Саши подаёт ремень, — сейчас гаишники, будто звери...

Обращение в таком духе несколько коробит, да ладно переживу. Зато доеду быстро и в холодке, вон кондиционер тихо гудит. Поворот выезжаем на трассу и сразу прибавляем скорость. Настроение даже не портит то, как Слава поглядывает на мои голые коленки, вылезшие из-под подола легкого платяца.

— Пусть смотрит! С меня не убудет, а ему не обломится, — с каким-то азартом мелькает в голове, — хотя, — я оценивающе оглядываю его, — то же ничего парень...

Слава ловко обгоняет старенькие Жигули и ещё прибавляет скорость.

— Нравится быстрая езда? — вдруг спрашивает он, явно обращаясь ко мне.

— Ну, если только «не низко лететь», — вспоминаю я старый анекдот.

Все рассмеялись, а мне почудилось, что Саша придвинулся к спинке сидения.

— Ты что? — хотела спросить я, но перед глазами мелькнуло, что-то темное и к лицу прижали тряпку.

Тошнотворный запах и последнее, что я услышала перед «падением в бездну черноты»:

— Давай к лесу сворачивай... и визг тормозов...

3.

Меня тошнило, прямо выворачивало наизнанку. Было темно, душно и пыльно. Сильно воняло. Стараясь продышаться, я глубоко вдохнула и расчихалась. Почему-то стало легче.

— Где это я? Что со мной? — тяжело заворочалось в голове.

Последнее что я помнила визг тормозов.

— Авария! — поднялась во мне волна паники, — мы попали в аварию... «Нравится быстрая езда...» — козёл, — крутилось в голове. — Догонялись, приехали... А головой, наверное, ударились, вот и болит. И тошнота при сотрясении мозга появляется...

Попробовала шевельнуться. Около уха звякнуло. До боли знакомый звук.

— И шею давит... — подумалось мне, — будто обруч, какой надели...

Попробовала сесть. Получилось, но с трудом. Мнимый обруч перекосялся на шее, а по спине вдруг ударило:

— Звяк! Как будто у собаки цепь брякает... — решила я и сделала попытку встать.

Но мнимая цепь вдруг натянулась, став настоящей. Привидевшийся ошейник перекосяло ещё больше, да так, что заболела шея и он, словно обретая форму, материализовался на мне. Встать я не смогла. Начала ощупывать.

— Так и есть! Констатировала я, — гибкая металлическая пластина вокруг шеи в мягком чехле, цепочка пристёгнутая замком к ошейнику.

Стала перебирать «поводок». Кольцо в стене и снова замок скрепляющий его с цепью. Поднесла пальцы, к глазам силясь рассмотреть. Тщетно. Не видно ни чего. Начала ощупывать пол. Коврик, на котором я лежала. Неожиданно рука попала в вязкую «кашу». Тут же потянуло рвотой.

— Да это же меня рвало! — вспомнилось вдруг.

Я прикорнула в стороне от смрадной «лужи» пытаюсь думать:

- Я поехала с двумя незнакомыми парнями.
- Потом меня, похоже, чем-то усыпили?!
- И вот я здесь! Где-то тут... И на цепи.

Ощупала тело. Одежда была в порядке, следов насилия не обнаружила.

— И что всё это значит? — задала себе риторический вопрос. Словно в ответ вдалеке глухо заскрипела тяжёлая дверь, еле слышно зацокали каблучки и вдруг загорелся свет. Прикрыв глаза от нестерпимого сияния хорошо, если сорока ваттной лампочки под потолком — подобралась. Но не происходило ничего! Никто не врывался ко мне в попытке изнасиловать или убить... Шаги, притормозили около двери на несколько секунд, раздался тихий лягз, словно пошевелили железку и каблучки проследовали дальше затихая. Осторожно приоткрыла глаза, радуясь свету, и осмотрелась.

Комнатка полтора на два. Низкая, но крепкая металлическая дверь без всяких прикрас. Нет даже ручки! Сверху косяка зарешеченный глазок отблескивающий стеклом. Над дверью круглая решётка, и какая-то черная пластина. Сбоку дощатый топчан, от стены до стены. Остальное место занимает коврик, на котором я сижу пристёгнутая к стене. Кольцо почти на

уровне пола. Цепь не толстая, но сразу видно крепкая. Она не новая, но блестит как отполированная.

— Ей что часто пользуются? — мелькает в голове вопрос.

Такое же кольцо над топчаном в противоположной от двери стене. Потолок и стены явно бетонные. Кольца старые, вделаны в стену, похоже, ещё, во время строительства. Вот только они, похоже, тоже не висят без дела, блестят словно натертые... Судорожно дернула за цепь, стараясь оторвать её от шеи. Ощутимо трянуло, и я поняла, что скорее сломаю себе шею, чем оторву этот металлический поводок. Но паника заполняющая тело требовала действий. Тогда не осознавая бессмысленности, набросилась и стала отрывать цепь от кольца в стене, стервенея всё сильнее и сильнее от каждой неудачи. Глухой звон, ощутимые толчки в шею и руки. Результата ноль! Поняв тщетность своих действий, расплакалась как девчонка, продолжая в бессильной ярости уже просто подергивать цепочку.

— А может быть лучше попросить папочку, и он отстегнёт тебя от стены? — раздался голос.

Я завертела головой, но ни кого не увидела, хотя голос доносился явно со стороны двери.

— Где вы? — заорала я, вертя головой.

— А может лучше спросить, кто вы? — донесся голос, и я поняла, что решетка над дверью просто динамик.

— Зачем... — мой голос сорвался, — зачем меня здесь заперли? И кто вы?

— Хороший вопрос, — донеслось до меня, — ты в карантине, а заодно тебя и приручают...

— Приручают? — мой голос зазвенел от злости, — да какого хрена здесь творится?

Приковали цепью, закрыли на замок... Меня будут искать, а когда найдут, вас посадят!

— Да ты что? — зазвучал изумлённый голос, — будут искать, найдут, посадят! А как тебе такой расклад? Будут держать на цепи, пороть и ебать как спермовыжималку во все щели!

— Ах ты, сука проклятая! — взбеленилась я, — да я... тебя... на кусочки порву, и рванулась к двери, забыв про цепь.

Итог был предсказуем. Цепь натянулась, сдавив горло, а я как дура полетела на пол, чуть не сломав шею.

— Ай, я-яй! — прогнусавил голос, и словно обращаясь к кому то другому, сказал, — и это учительница! Послушай, какой слог! А мы потом удивляемся, откуда столько шпаны на улице.

— ... — подавилась я матами, которыми собралась обложить невидимого собеседника, а потом разревелась, — отпустите меня домой...

— А ты Катюша не слишком торопишься? — продолжал вещать голос, — заблевала номер, не расплатилась за гостеприимство и хочешь сбежать?

Я затравленно огляделась по сторонам. Потом вспомнила про свои вещи и быстро запричитала:

— В сумочке карта банка, пин-код 0816, на ней почти двадцать тысяч! Берите всё и отпус-ти-те меня-я-я... — уже рыдала я.

— Кому на хер нужны эти деньги, но если ты настаиваешь... — всё также издевательски звучал голос, а затем, обращаясь явно не ко мне, добавил, — зачем вы эту старую дуру притащили?

— Ты же видел её задницу и сиськи! — мечтательно произнес, какой-то знакомый голос.

— А что моложе не было?

— Мне эта нравится!

— Так сам и ебись с ней... во всех смыслах!

— Для этого и притащ... — раздался щелчок, звук выключился и тотчас погас свет.

4.

Сколько я просидела в темноте, не знаю. Хотелось, есть, пить и писать. Болело всё. Тело от жесткой подстилки, голова от смрада и страха. Ноги от невозможности встать. Отползла в сторону с коврика насколько хватало цепочки, стянула до колен трусики, и с трудом устроившись на корточках, краснея от стыда, начала писать.

Мгновенно словно они там всё видели, загорелся свет, и насмешливый голос выдал:

— Гляди-ка, какая струя... Я же говорил — жопа красивая... Вот ведь учительницы пошли... Про туалет даже не знают!

Злость застлала глаза, и я в бешенстве рванулась на голос, чтобы запутаться в спущенных трусиках и упасть от рывка цепи в свою же лужу.

— Тебя не учили проситься в туалет? — издевательски произнёс тот же голос.

Я, лежа на полу и молча давясь слезами. Раздался щелчок, связь отключилась и свет потух. Тихо ревя, я, осторожно перебравшись на сухое место, легла, как смогла.

Время тянулось медленно. Я забывалась в коротком беспокойном сне, просыпалась, бессмысленно пялясь в темноту и опять засыпала.

Когда снова включился свет, и щелкнула, открываясь, дверь, мне было уже всё равно. Лишь бы выбраться из этой железобетонной могилы и вдохнуть чистого воздуха. Мужчина и женщина в полумасках и коротких туниках на голое тело зашли в мою каморку. Она поморщилась и произнесла:

— Воняет. Её в душ надо и напоить...

— Да! В душ... И дайте воды... — беззвучно шептала я пересохшими губами

Глаза слепило, по щекам текли слёзы. Меня отстегнули от стены. Освобожденная цепь звонко ударилась о пол. Меня, молча, подняли на ноги и вывели наружу. Сквозь неплотно прикрытые глаза я видела коридор. Пять метров я преодолела с трудом. От долгого сидения ноги затекли, тело не слушалось. Меня по факту просто тащили, а я делала вид, что передвигаю ноги.

Конец коридора, открытая дверь и я попадаю в сказку. Весёлая, светлая комната, выложенная разноцветным кафелем, по форме напоминает букву «Г». Свет льётся с потолка не давая тени. Там же в дальнем углу торчит лейка душа. А в маленьком боковом отростке вижу унитаз. Большой, белый, фарфоровый... Сразу видно, что из дорогих. Я готова была броситься к нему и расцеловать, как лучшего и знакомого друга. Потянувшись туда, но резкий рывок за ошейник привёл в чувство. Здесь не было колец, зато был нержавеющей поручень с более длинной, чем в моей каморке цепью. Вот к нему-то меня и пристегнули. Пока женщина с явным неудовольствием рассматривала меня, мужчина принёс бутылку запотевшей минералки. Скрутив пробку, он начал пить, поглядывая в мою сторону.

От вида этой холодной даже не вид бутылки с водой, я потеряла остатки гордости и протянула к ней обе руки, крича, как мне казалось:

— Дай! Дай мне... Воды...

Я готова была броситься на него зубами и ногтями вырываю этот вожделенный и так необходимый предмет. А когда он рассмеялся, показывая на меня пальцем то, потеряв самообладание, бросилась... Опять плачевный конец. Любой поводок имеет конечную длину и я, даже не набрав скорости, полетела вниз, когда цепь вытянулась во всю длину. Как я не

сломала себе шею — не знаю. От бессильной ярости я заплакала, протягивая руки к своему учителю.

— Дай ей воды, — раздался спокойный голос и мужчина перестав смеяться, протянул мне бутылку.

Я глотала воду как нектар богов захлёбываясь и боясь, что вот последует команда и у меня её отнимут. И только когда живот вздулся от живительной влаги, а зубы заломило от холода, так что стало невтерпеж, и я сделала перерыв, прижимая к себе холодную пластиковую бутылку.

— Раздевайся, — холодно произнёс тот же голос.

— ... — поёжилась я, не зная, что делать.

— Сейчас пойдёт вода, и ты вымоешься. От тебя же воняет... А сама выглядишь как старуха... — закончил он.

Я оглядела себя. Некогда красивый сарафан был помят и порван в двух местах. От него несло мочой и блевотиной. Тело от ощущения влаги начало чесаться, ну а про голову я вообще молчу. — Раздевайся и брось свои тряпки в дальний угол.

— ... — всё ещё мялась я.

— Хочешь... — голос приторно вкрадчивым, — вернуться в свой номер? — в воздухе зазвенело «железо».

Вот туда я точно не желала, и поэтому, повернувшись спиной к двери, стала снимать свои вещи, бросая их, куда приказано, и перекладывая бутылку из одной руки в другую. Когда разделась, посмотрела вверх. Навороченная лейка была сухой, как колодец в пустыне.

— Где вода? — как можно тверже произнесла я.

— Повернись к двери лицом.

— Ты обещал воду?!

— Выполняй команду, сука! Или будешь наказана! — конец фразы прозвучал не громко, но твердо. Он явно не блефовал, — и поставь бутылку на пол, — насмешливо продолжил он.

Я нехотя нагнулась, ставя бутылку. Расставаться с ней было страшно, и другой насмешливый голос прокомментировал:

— Прекрасная задница хоть и пизда волосатая...

Ойкнув, я прикрыла себя рукой.

— И бёдра ничего. Полненькие. Мне нравится!

Резко выпрямившись, вся залилась краской. Меня ещё ни разу не обсуждали вот так вслух, как скаковую лошадь.

— Смотри! Она покраснела!

— Я подчиняюсь насилию! — вдруг выдала я фальцетом дурацкую фразу, из какого-то фильма...

— Ха-ха-хааа... — загремел хохот из динамика.

Тот, кто там был, явно развеселился. Отсмеявшись, он произнёс:

— Насмешила! До слез... А это единственное что тебе остаётся. Подчинение! Всегда и везде. Любому на кого я укажу тебе. Ты моя собственность, а я... твой бог! А теперь повернись!

Понимая, что попала, я повернулась, прикрывая груди и лобок руками.

— Руки опусти, сучка! — хлестнули слова.

На глазах навернулись слёзы, и я медленно опустила вниз руки. Наступила тишина. Понимая, что меня осматривают и оценивают, я молчала. Ну а что я могла сделать?

— Красивые груди, прелестные большие соски. Размер четвёртый? — я вдруг ощутила

возбуждение. Мои соски набухли словно «окаменев».

— Почти пятый... — выдавила я.

— Легко возбуждается. Смотри, как затвердели соски! — с придыханием произнёс голос, а я почувствовала, как заломило живот от желания.

Непроизвольно сжала ноги и потерлась друг о дружку бёдрами, пытаясь унять зуд и жжение в паху.

— Спорим, она потекла?! — опять послышался второй голос.

Я стояла, уставившись в пол, не в силах поднять глаза и слушала про себя всякие «гадости». в крике от боли. Но уже через минуту стало легче. Боль не ушла, но отступила на грань сознания, не позволяя забыть о ней, но и не терзая тело. Затем меня вымыли, причем это делал мужчина, довольно грубо тиская и жадно ощупывая моё тело.

Когда меня обессиленную выводили из душа, в динамике раздался смешок и фраза:

— А ты быстро учишься Кэт. Из тебя выйдет классная шлюха...

— 6-

И опять потекли дни. Сколько я не знаю. Я пыталась считать, но у меня не получалось.

Складывалось впечатление, что дни были разной длины. Я ела то, что дают, занималась в спортзале под руководством другой госпожи. Госпожа Лейла — так она себя называла.

И ещё меня наказывали. За любую провинность или если таковой не было под любым предлогом. Причем за предполагаемую провинность били сильнее. Эта система опробованная господином Павловым на собаках, была очень эффективна и на человеке. Однажды отходя от очередного наказания меня, посетила здравая мысль, вот если такое применить в школе, то трудных подростков, а тем более хулиганов там не останется вовсе!

Сейчас не помню, но на второй или третий день меня заставили написать заявление об увольнении из школы по собственному желанию и заявление о выписки из квартиры. Через некоторое время предъявили паспорт со штампом «Выписана» и мою трудовую книжку с отметкой об увольнении.

В качестве бонуса была предъявлена выписка из банка об открытие банковского счета сыну и переводе на него всех моих сбережений. Я перестала существовать в этом городе, области и наверное стране. Фактически я исчезла... Остались только следы в документах, что я когда-то обитала в этом городе.

Но я была, жила и даже училась. Время летело. Я не видела белого света, так как во всех помещениях, где я могла находиться — не было окон, но привыкала к новым отношениям, к нагоде и новой одежде. Теперь почти всё время я либо ходила обнаженной или была одета в поддерживающий лифчик, заставляющий выпирать мои не малые груди вперед и абсолютно ни чего не закрывающий утягивающий, широкий пояс от талии до середины ягодиц. И туфли-лодочки на высоченной шпильке. Иногда меня заставляли носить «юбку».

Это была интересная модель. С разрезами спереди и боков от колен до самого пояса, туго перехватывающей талию. Да! У меня появилась прекрасная талия, которая в зеркале выглядела очень эффектно! А сама юбка имела большой вырез со спины открывающим мои ягодицы более чем наполовину. Меня учили ходить, как манекенщицу на подиуме выставляя свои прелести на показ. Учили танцам, как классическим, так и довольно специфичным. Я хорошо освоила танец живота, да и вертеться на столбе стала уверенно.

Заставили сбрить промежность, но по указанию Хозяина разрешили оставить вертикальную полоску волосиков на лобке около трех сантиметров шириной, а вот длина волос была

ограничена шестью миллиметрами. Позже мне провели лазерную эпиляцию, а длину оставшихся волосиков контролировала сама Госпожа Лейла. Единственное что я не знала — кто мой Хозяин. Общение происходило в одностороннем порядке, хотя его голос и казался мне смутно знаком.

Свободного времени не было вовсе. Утром меня поднимали грубой сиреной. Поход в умывальник, за которой следовала пробежка по залу. Для этого была своя форма. Эластичная майка, притягивающая и фиксирующая груди на теле, дабы они не тряслись и не болтались при беге. Что-то типа легинсов с большим вырезом в промежности. Если сначала я с трудом преодолевала несколько кругов по залу — заставляли бежать в полную силу, а потом, еле удерживаясь на ногах, дышала, словно загнанная лошадь. То несколько суровых наказаний и ежедневные тренировки привели к прогрессу. Теперь я словно хороший марафонец могла несколько часов подряд бежать без отдыха. Затем следовала растяжка и упражнения общего плана. Потом туда были включены позы из Камасутры...

Обучение танцам оказалось не мене тяжелым, чем спорт и ими со мной занялись после приведения физической формы в порядок. То есть приблизительно через месяц-полтора Госпожа Сюзи начала давать мне уроки танцев. Она была сухопарой и длинноногой, и единственной кто не наказывал меня каждый божий день.

Кроме того меня учили манерам и общению. Вскоре я могла на равных общаться как с изысканной богемой, так и выступать в роли низкопробной проститутки по вызову. Причем последнее подразумевало и быстрый перепах как в темном уголке, так и на освещенном подиуме. Эти занятия были коньком Сары.

Самое трудное оказалось освоение орального секса. Движение языка, губ. Приемы кои можно употреблять, а что делать категорически нельзя. Углубленное изучение анатомии и физиологии мужского и женского организма в свете получаемой профессии. И конечно практические занятия. Слезы, наворачивающиеся на глазах, когда мне в рот заталкивали фалоимитатор, длиной сантиметров двадцать и диаметром пять, а то и шесть сантиметров постоянно приводили к наказаниям. Но и это я преодолела. Теперь я могла свободно вытерпеть, когда мне в горло плотно упирался искусственный член и меня даже не тошнило. А последнее испытание — расширение моего анального отверстия я преодолела просто играючи. Мне просто пришлось в течение длительного времени ходить с анальной пробкой всё увеличивающегося диаметра. Было больно, но тело, оказывается, быстро привыкает к боли... А к меньшей из возможной — тем паче...

Я похудела, тело налилось силой и желанием. Первое время я ждала, когда же меня будут насиловать, но время шло... Я привыкла к сальным взглядам и «жадным» рукам помощников Сары, которые не упускали случая полатать меня... Но ни кто из них, а других мужчин я за это время и в глаза не видела, не покушался на мою порядочность, так что это стало задевать меня, как женщину.

— Неужели я настолько плохо выгляжу, что меня ни кто не хочет? Да и самой уже хотелось... Даже дома, я хотя бы один раз в месяц встречалась с кавалерами, а здесь... Столько времени и ни кого! Хотя время я могла определить только субъективно...

Я стала забывать ту, жизнь до того как... Она казалась нереальной и отошла на второй план. Меня гораздо больше волновало, что обо мне думает Госпожа Сара и Лейла. Как можно угодить Госпоже Сюзи и не собираются ли меня наказать за что либо.